

© И.Н. ПУПЫШЕВА

Тюменский государственный университет
I-rinushka@yandex.ru

УДК 140.8

РЕЧЬ И МЫСЛЬ В ТЕОРИИ И ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

SPEECH AND THOUGHT IN THE THEORY AND PHILOSOPHY OF LANGUAGE

АННОТАЦИЯ. Статья основывается на выборочном экскурсе в историю теории языка. Предпринимается попытка рассмотреть проблему отношений мысли и речи в развитии и представить ее как ключевую для философии языка в целом, выделить актуальные концепции и тенденции. Развитие теории языка до XIX в. представляется ограниченным рамками формально-логического подхода, проводится сравнение с психологическим направлением. Из современных концепций интерес вызывает неогумбольдтианство, структурализм, бихевиоризм, порождающая грамматика. Речь и мысль представляются в отношениях «формы и содержания», «общего и частного», речь представляется структурой, частью, реакцией мысли. Функции речи выводятся за границы простого замещения вещи. Обнаруживается зависимость отношений речи и мысли от признания (непризнания) существования универсалий, а также их природы, прослеживается связь проблемы с объяснением происхождения языка. Рассматривается возможность в рамках рассмотренных учений «мысли без речи» и «речи без мысли».

SUMMARY. The article is based on a selective background of the theory of language. The paper makes an attempt to address the issue of development of speech/thought relations and present it as a key to the philosophy of language in general, highlighting the current concepts and trends. Up to the 19th century, the development of the theory of language appears to be confined to the formal logical approach; a comparison with the psychological direction is made. The following theories attract our attention: neo-Humboldtian theory, structuralism, behaviorism, generative grammar. Speech and thought are represented in relations of “form and content”, “general and particular”. Speech is presented as a structure, a part of and a reaction of thought. Speech functions go beyond a simple replacement of objects. The paper observes the dependence of speech/thought relation on recognition (or negation) of the existence of universals, as well as their nature. The paper reveals a correlation between the issue and the theory of language origin. In the framework of the discussed theories, the article analyses a possibility of “thought without speech” and “speech without thought”.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Язык, речь, мышление, форма, материя, структура.
KEY WORDS. Language, speech, thought, form, matter, structure.

Решение многих проблем гуманитарного знания требует выхода за границы специальной науки. Одной из них является определение отношений речи и мышления. Здесь пересекаются не только логические и филологические поиски, формируется серьезная психологическая и философская составляющие. Размышления в указанном направлении значительным образом повлияли на становление философского направления в лингвистике. Смеем даже предположить, что принятие той или иной концепции определяет решение ключевых проблем для теории и философии языка. Но загадка остается: насколько адекватно речь отражает мысль; можно ли сказать еще не мыслимое и т.п.

Известна смыслообразующая способность художественного текста развиваться порой далеко за пределами авторского замысла. Сложно оценить как соответствующие актуальной мысли оговорки «по Фрейдю». Практикум «позитивного мышления», популярного в наши дни, приучает к почти «безмысленным» (но не бессмысленным) речевым реакциям (упоминаются, например, в концепции Э. Берна [1]). Все чаще люди безмысленно приветствуют друг друга, интересуются состоянием дел, здоровья, желают удачи, выражают сочувствие и участие — причем как в устной, так и в письменной форме. Это все больше разрушает миф о зеркальном соответствии речи и мысли. Любопытно было бы рассмотреть, как менялось разъяснение этих вопросов по ходу развития теории и философии языка.

Если ограничиваться европейскими учениями, стоит начать с античной языковедческой традиции, на основе которой развивается формально-логическое направление. Интересующие нас вопросы решаются в контексте определения отношений слов и вещей. Язык не представлялся чем-то отдельным от мысли. Вначале понятие «λόγος» как учение о слове включало в себя у стоиков и грамматику и логику, и даже онтологию слова в их единстве. При этом грамматические и логические категории мыслятся симметричными друг другу, формируя принцип ««доверия языку» в его обнаружении разума». Это означает, что структура речи представляет собой отражение структуры мысли. Такова позиция стоиков, схожие мысли высказывали Платон [2] и Аристотель. Немаловажен и тот факт, что языковая форма (для мыслимого содержания) может быть как правильной, так и неправильной. Правда, правильность или неправильность устанавливается не отношением к мысли, а отношением к сущности действительной вещи (платоновскому «эйдосу», например). Так зарождается представление о так называемых грамматических (или лингвистических) «универсалиях», опосредующих отношения речи и мысли. Универсалии представляют собой образцы, которым должна соответствовать и мысль, и оформляющая ее речь.

Схоластическое учение о языке строится во многом на изучении трудов Аристотеля. И по мере их распространения — от логических до метафизических — меняется и представление о природе языка. Вершиной развития схоластической грамматики можно считать учение модистов. Важнейший принцип исследования языка модистами — «Во всех своих существенных чертах грамматика одинакова у всех народов, поскольку у всех людей одно и то же мышление, одна и та же логика» [3] также содержит обращение к грамматическим универсалиям. Со временем модисты ставят перед собой и задачу разрешения вопроса об отношении языка к сознанию и к вещи (к миру реальной действительности). Опираясь уже на метафизические сочинения Аристотеля, модисты

развивают тезис об отражении структурой языка структуры действительного мира. Роль человеческого разума сводится лишь к восприятию, опосредующему связь языка и реального мира. Онтологизация науки о языке актуализирует проблему универсалий. В известном споре номиналистов и реалистов модисты занимают позиции умеренного реализма (разум опосредует адекватное отражение действительности в языке, а общее (универсалии) представляется реально существующим в вещи и извлекаемым в процессе познания).

Торжество рационализма в эпоху Нового времени способствует развитию грамматики под знаком соответствия «речи натуральной логике мышления». В исследованиях, посвященных поиску основ универсального языка, ведутся работы по установлению соответствия языковых категорий категориям логики (слова — понятию, предложения — суждению и т.д.). Таким образом, «рационализация» языка превращает его в «средства анализа мысли». Отношения мысли и речи определяются как отношения в общем русле логизации и формализации, где логические категории предстают как *общее*, а языковые — как *частное* (сопоставление взято в интерпретации М.Н. Щербинина [4]). Рациональная грамматика основывается на принятии лингвистических универсалий, понимаемых уже как универсальные логико-грамматические структуры.

Грамматическая рационализация содержит тенденцию к идеализации. «Живые» национальные языки отступили от логического образца. Но в грамматиках по типу «Пор-Рояля» уже выявляется прямое соответствие высказывания мысли, грамматики логике (без «вещи»). А поскольку идея о развитии уже витает в воздухе, речь ведется о языковых ошибках и отступлениях от логического. Осознанная еще в эпоху Возрождения невозможность возвращения идеала порождает размышления об идеализации и универсализации актуальных языковых систем. Универсализация касается, главным образом, синтаксических и грамматических основ — как наиболее близких к универсальным логическим.

Начиная с XIX века, философия науки развивалась более вариативно. Развернутая система частей речи не вписывается в имеющуюся логическую структуру, а потому мысли о несовпадении логики и грамматики приобретают иное казуальное объяснение. Важно то, что лингвисты признают язык явлением историческим. И опора на формальную логику, предмет которой остается в своей основе довольно стабильным, противоречит идее о развитии языка. Немаловажно для разрешения интересующего нас вопроса также предметное разделение языка и речи. Речь так же динамична, как и мысль. Приведем лишь некоторые концепции, имеющие, на наш взгляд, ключевое значение для философии языка.

Так, в принципиальную оппозицию логическому направлению развивается психологическое. Штейнталь (основатель направления) видит в категориях грамматики и логики столько же общего, сколько есть в понятиях круга и красного. Отношения между мыслью и языком в духе психологической трактовки одним из первых определяет В. фон Гумбольдт: язык для него — это «формирующий орган мысли» [5]. Язык выражает и оживотворяет «дух народа». Предлагается новая спаянность языка и мысли — «язык и есть мышление» (языковое мышление), по словам Гумбольдта, но при этом он не может рассматриваться «как неконченное дело или вещь», это деятельность («Energie»). Языковое мышление противопоставляется предметному (логическое направление):

если предметное оперирует представлениями, то языковое — «представлениями представлений» (термин Штейнталя) или знаками.

Природа языкового мышления не может быть объяснена отражением, поскольку всегда имеет место интерпретация. В языке кроется оригинальность как индивидуального, так и национального мышления. Язык — тот орган, что «превращает мир в мысль» и, по сути, образует мысль. Язык как целое с мыслью объясняется уже сопряженностью иных антиномий: индивидуума — народа (индивидуального — коллективного) у Штейнталя, внутреннего — внешнего (внешняя форма слова — внутренняя форма слова у А.А. Потебни), индивидуального — коллективного, а также субъективного — объективного, знака — значения и т.п.

Современное развитие идей Гумбольдта нашло отклик в философской позиции неокантианства (особенно с положением Э. Кассирера об определяемости культуры знаково-символическими системами). Неогумбольдтианцы развивают представление об обусловленности, и даже ограниченности мышления языком. Содержание, ход, характер мышления — все оказывается зависимым от языка, и зависимость эта приводит к развитию так называемого «лингвистического агностицизма», свидетельствующего о невозможности адекватного познания под влиянием языковых структур и языковой картины мира в целом.

Обусловленность мышления и поведения развивается и в американской версии неогумбольдтианства или этнолингвистике Сепира-Уорфа. На материале языковых и поведенческих данных индейских племен Б. Уорф [6] доказывает тезис о поведенческом сходстве и сходстве картин мира только при соотносительном сходстве языков. Таким образом, отношения логики мысли и языковых структур выстраиваются как диаметрально-противоположные логическому направлению. Способность языка направлять мыслительный процесс оказывается приоритетнее определяющих возможностей мышления по отношению к языку. Отношения мысли и речи опосредуются таким конструктом как «языковая картина мира». Ее «вмешательство» представляет речь процессом, направленным мыслью, а мысль — ограниченной и концептуализированной системой языка.

Господство позитивистской философии на рубеже веков привело к формированию бихевиористской теории языка. Речь здесь представляется материей по отношению к мысли. Речь в определенном смысле действительно материализует мысль, переводя ее из внутреннего плана во внешний. Бихевиористы доводят до крайности представления о тождестве речевого и мыслительного процессов и объясняют существо мысли «деятельностью речевого аппарата». Под влиянием идей эмпириокритицизма язык рассматривается как совокупность единиц речевого поведения и даже как особая — речевая — реакция на окружающую среду, способствующая адаптации индивида к обществу (Л. Блумфилд). Блумфилд, обращаясь к языку, берет за его основу факты, конкретные высказывания, привязанные к ситуации, и старается не выходить за их границы, что М. Гухманом в предисловии к книге Блумфилда «Язык» оценивается как своеобразный лингвистический позитивизм, не приемлющий рассмотрения языка в качестве системы, так как последняя была бы результатом анализа, обобщения и интерпретации ситуаций [7]. Разрабатывается новая модель спаянности языка и мышления, в которой одно не мыслимо без другого и является материализацией другого. Проблемы несоответствия в таком контексте просто нет.

Ключевой проблемой отношения речи и мысли выступают в структурализме. Уже Ф. де Соссюр [8] выражает сомнение в существовании прямого соответствия между словами и вещами, в существовании грамматических универсалий. Вместо этого он предлагает спонтанное соответствие ряда слов и ряда мыслей. Бюллер — ученик Ф. де Соссюра — определяет язык как «...organum, служащий для того, чтобы один человек мог сообщить другому нечто о вещи» [цит. по 9]. Бюллер также выделяет функции языка, что подтверждает факт феномена языка как чего-то большего, чем «замещение вещи». И язык представляется «структурой, несущей значение», а мышление — оперированием знаками языка. И вместо воздействия (как и в психологическом направлении) мы имеем дело с взаимодействием: с одной стороны, мысль определяет и наполняет смыслом речевое высказывание, а с другой, — «... язык сам членит действительность..., и каждому языку соответствует уже своя особая организация опыта» [9]. Структурализм подчеркивает автономию языковой системы, что позволяет говорить о речи, выходящей за границы мысли. Высказанное обретает смыслобразующую самостоятельность. Э. Бенвист высказывает положение о том, что «язык может быть описан без мышления, а мышление без языка — нет» [9]. Потому лингвистика в структурализме подается как автономная наука.

Господство структурализма оспаривается в генеративной лингвистике (или порождающей грамматике) Н. Хомского. На сегодняшний день порождающая грамматика является ведущим направлением американской лингвистики и значительным — для европейской и отечественной. Н. Хомскому удается реабилитировать лингвистические универсалии и формальный подход в целом. Он обосновывает существование общих для всех языков грамматических структур и моделей. Хомский предполагает общую теорию языка — «порождающую грамматику» — в качестве «врожденной» способности мышления, а потому лингвистика у него связана с психологией и рядом других смежных дисциплин, что придает ей вновь «осознанно антропоцентричный» характер (Хомский подчеркивает идейную близость с В. Гумбольдтом). В работе «Язык и мышление» ученый рассуждает о параллелях связей человеческой психики с его языковой способностью и той же связью у животных [10]. Язык, заключает он, представляет собой значительное свидетельство сложности мыслительной деятельности. Поскольку язык изобретается всякий раз заново, Н. Хомский предлагает рассматривать его как индивидуальную языковую компетенцию (мыслительную компетенцию). В.М. Алпатов, рассматривая лингвиста И.А. Мельчука как представителя генеративистики, приводит его определение языка как некоторого «соответствия между смыслами и текстами... плюс механизм перехода... от смыслов к текстам и обратно» [см. 9].

В противовес Декарту, «врожденными» Н. Хомский предполагает синтаксические структуры, которыми обуславливает и семантику и фонологию, иными словами, освоение («порождение») языка на всех уровнях. По сути, мы имеем дело с «врожденным ограничением в кантианском смысле» (формальным грамматическим ограничением), выступающим решающим фактором в определении и высказывания и мысли.

Так, проблема отношений мысли и речи может считаться одной из ключевых для философии языка в целом — ее решение затрагивает всю актуальную лингвофилософскую проблематику: происхождение и предназначение языка,

его функционирование, бытие и природа универсалий, социокультурная и психологическая обусловленность языковых единиц, определяющая способность самого языка и поле ее приложения. Наше, далеко не исчерпывающее, обращение к истории лингвистических учений показало, что разрешение проблемы привело к формированию онтологического, формально-логического, психологического и антропологического поворотов, структуралистского и бихевиористского направлений в развитии лингвистической науки, то есть к философской рефлексии. Формально-логическое объяснение не допускает расхождения речи с мыслью, невозможным оно кажется в бихевиоризме. Ориентация на человека при объяснении связи мысли и речи показала эти отношения двусторонним влиянием. Язык представился системой, определяющей мышление и поведение человека. Язык и в качестве автономной структуры и как структурная составляющая культуры, и даже как особая мыслительная компетенция не просто служит выражению мысли, но задает ей пределы.

И все же вопрос о том, может ли высказывание опередить размышление, остается открытым. Кажется очевидной ситуация «подумал и сказал». Но в речи можно увидеть еще и особое речевое поведение, включающее и речевые «ритуалы» и речевые «роли». И высказывание, представленное уже как часть игры или традиции, порой опережает осмысление (ситуация видится как «сказал и обдумал»). Но все это представляет мысль и речь отдельными процессами и исключает из мышления бессознательную фазу. На наш взгляд, высказывание и размышление представляет собой единый комплекс, включающий в себя и языковую компетенцию, и речевую реакцию, и сложное оформление идеи, то есть «речемыслие» (или «мыслеречие» — с этим нам еще предстоит определиться). Языковая система не просто дает человеку средства для выражения мысли, она становится структурной составляющей мысли, комплексом ее направлений, пределов и возможностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. М.: Эксмо. 2012. 576 с.
2. Платон. Кратил. URL: <http://www.libok.net/writer/1617/kniga/49292/platon/kratil/read>
3. Перельмутер И.А.. Грамматическое учение модистов // История лингвистических учений. Позднее средневековье. М., 1991. С. 7-66.
4. Щербинин М.Н. Свобода и необходимость в рациональности гуманитарного познания как выражение ее возможностей и пределов // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 10. Серия «Философия». С. 37-46.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с. URL: <http://www.twirpx.com/file/803633/>
6. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Языки как образ мира. М.-СПб.: Terra Fantastika, 2003. С. 157-202.
7. Блумфилд Л. Язык. URL: <http://bookre.org/reader?file=635028&pg=9>
8. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. 432 с. URL: <http://www.twirpx.com/file/113072/>
9. Алпатов В.М. История лингвистических учений. М.: Изд-во «Языки славянской культуры», 2005 368 с. URL: <http://coollib.com/b/235312/read>
10. Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во МГУ, 1972.

REFERENCES

1. Bern, E. *Igry, v kotorye igraiat liudi* [Games people play]. Moscow, 2012. 576 p. (in Russian).
2. Plato. Cratylus. URL: <http://www.libok.net/writer/1617/kniga/49292/platon/kratil/read> (accessed date: 20.06.14). (in Russian).
3. Perel'muter, I.A. Grammatical doctrine of modists / In: *Istoriia lingvisticheskikh uchenii. Pozdnee srednevekov'e* [History of grammatical doctrine. Late Medieval period]. Leningrad, 1991. Pp. 7-66. (in Russian).
4. Shcherbinin, M.N. Freedom and necessity in rationality of human cognition as expression of its potential and limits. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2013. № 10. Series «Philosophy». Pp. 37-46. (in Russian).
5. Humboldt, W. *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu* [Selected works in linguistics] Moscow, 1984. 400 p. URL: <http://www.twirpx.com/file/803633/> (in Russian).
6. Whorf, B.L. The relation of habitual thought and behavior to language / In: *Iazyki kak obraz mira* [Languages as an image of the globe]. Moscow — St-Petersburg, 2003. Pp. 157-202. (in Russian).
7. Bloomfield, L. *Iazyk* [Language]. URL: <http://bookre.org/reader?file=635028&pg=9> (in Russian).
8. Saussure, F. de. *Kurs obshchei lingvistiki* [Course in general linguistics]. Ekaterinburg, 1999. 432 p. URL: <http://www.twirpx.com/file/113072/> (in Russian).
9. Alpatov, V.M. *Istoriia lingvisticheskikh uchenii* [The history of linguistics]. Moscow, 2005. 368 p. URL: <http://coollib.com/b/235312/read> (in Russian).
10. Khomskii, N. *Iazyk i myshlenie* [Language and mind]. Moscow, 1972. (in Russian).

Автор публикации

Пупышева Ирина Николаевна — доцент кафедры философии Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета, кандидат философских наук

Author of the publication

Irina N. Pupyшева — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Department of Philosophy, Institute of Philology and Journalism, Tyumen State University